

Культура. - 1998. - 19-25 марта. - с. 13

Призвание – миниатюра

Гость Антрепризы МСМ – Роберт Маркхэм

Имя этого пианиста, возможно, знакомо нашим читателям по прошлому, X Международному конкурсу имени П.И.Чайковского: Маркхэм стал одним из финалистов. И хотя он не вошел в число лауреатов, слушательские симпатии заслужил по праву, покориw исполнением тонким, лиричным и одухотворенным. С тех пор прошло четыре года. Сегодня Роберту Маркхэму двадцать девять, и концертную деятельность (в Англии и за ее пределами) он совмещает с педагогикой – преподает в консерватории Бирмингема и готовится к получению степени доктора в знаменитой Джульярдской школе, где учился в классе нашей соотечественницы Оксаны Яблонской.

И вот вторая встреча – снова в Москве, но уже в другом зале. Впрочем, на сцене камерного Овального зала на Большой Никитской Роберт Маркхэм выглядел, пожалуй, даже более естественно, чем четыре года назад в БЗК. Ведь он музыкант

с вполне определенным “амплуа”. Отличительные качества его исполнения – мягкий, искренний и задушевный “тон”, повышенное внимание к деталям, к игре тонких нюансов и капризных оттенков. Блестящий, виртуозный “гранд-стиль”, крупный штрих – не его стихия, да и броско-эффектные номера явно не в его духе. Бережное и внимательное отношение к авторскому тексту, чуткое вслушивание в него для нашего героя важнее “демонстрации индивидуальности”.

Ярче всего проявляет себя Роберт Маркхэм в миниатюрах. “Коронным номером” программы стали “Фантастические пьесы” Роберта Шумана, ранее записанные музыкантом на компакт-диск. Свобода и фантазия, порой причудливость – в полном соответствии духу оригинала и со столь же полным сохранением его “буквы”. Кстати, Роберт Маркхэм предпочитает исполнять Шумана именно в небольших залах – так лучше передается особый

задушевный, “интимный” характер его музыки. Лист был представлен довольно “скромными” в виртуозном отношении транскрипциями Сарабанды и Чаконны из оперы “Альмира” Генделя и знаменитого квартета из “Риголетто” Верди. Что же касается интерпретаций венских классиков, то ~~риску~~ утверждать, что Гайдн пианисту явно ближе, нежели Бетховен. Вторая соната Бетховена прозвучала мягко и лирично, скорее, в шубертовском духе – вполне возможное исполнительское решение, однако некоего “внутреннего стержня” все же не доставало, и детали явно превалировали над целым. А исполняя гайдновское Каприччио соль мажор, Роберт Маркхэм чувствовал себя совершенно органично: изящество, тонкость фразировки, неожиданные повороты...

Публика и музыкант остались довольны друг другом.

Татьяна ГАЛЬПЕРОВИЧ